

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭДУКАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИВАНА КИРЕЕВСКОГО

¹Винницкий национальный технический университет

В работе рассматривается концепция школы как преддверия церкви русского мыслителя Ивана Киреевского в связи с его же идеей цельного человека и представлениях о сакральном статусе церковнославянского языка.

Ключевые слова: *эдукация, онтологизация, деонтологизация.*

Keywords: *edukatsiya, ontologisation, deontologizatsiya.*

Эдукация, т. е. обучение и воспитание как единый процесс, всегда имеет онтологическое измерение и даже более того – онтологическую сущность. Являясь на свет, человеческий детеныш обладает родовой сущностью лишь потенциально. Актуализация последней происходит именно через воспитание / обучение. Таким образом, эдукация есть процесс очеловечивания, обретения человеком своего онтологического статуса, онтологизации. Однако воспитание/обучение может иметь и деонтологизационную направленность, вести к расчеловечиванию. Например, если нашей целью является исключительно подготовка носителя отдельной узкой функции, мы наносим бытию ущерб, подвергаем его забвению. Онтологический ущерб несут при этом и те, кого подвергают подобной обработке, и те, кто ее осуществляет.

Онтологизирующую направленность эдукация обретает, прежде всего, тогда, когда в ходе ее устанавливается связь человеческого бытия с сакральным. Интересным примером попытки установления такой связи являются педагогические взгляды И. Киреевского.

В поисках онтологических основ человеческой личности мыслитель приходит к следующему заключению: «Нет качеств в человеческом сердце, которые бы были безусловно добродетельны; самые прекрасные, самые возвышенные движения души: бескорыстная любовь, несокрушимая твердость воли, великодушное самопожертвование, верность слову, геройство самопожертвования – все, чему удивляется человек в человеке, все, что своим ярким появлением возбуждает радостный трепет сочувствия и восторга, – все получает свое настоящее значение от того корня, из которого оно происходит, от того основного побуждения, которое лежит на дне человеческого сердца и определяет всю совокупность его внутреннего бытия. Это основное побуждение сердца слагается из любви и убеждения. Если убеждение ложно, то и любви не может быть безусловно чистой. <...> Ибо нравственное лицо – не сочетание тех или других качеств, но живая цельность самобытности» [1, с. 74–75].

Убеждение же «есть невыисканное сознание всей совокупности общественных отношений <...>» [2, с. 227], т. е. онтологизирующим началом выступают здесь общество и шире – цивилизация. Правильные убеждения, чистая любовь, искомые цельность и равновесие духа достигаются путем религиозного воспитания, воспитания «в обычных преданиях православного мира» [2, с. 222].

Эти общие положения мыслитель пытается конкретизировать. В «Записке о направлении и методах первоначального образования народа в России» Киреевский приходит к выводу, «что *направление* народного образования должно стремиться к развитию *чувства веры и нравственности* преимущественно перед *знанием*» и «что лучшее средство к сей цели есть *изучение словенского языка*, дающее возможность *церковному богослужению* действовать прямо на развитие и укрепление *народных понятий*» [1, с. 139].

А в рассуждении «О нужде преподавания церковнославянского языка в уездных училищах» мыслитель добавляет: «Все познания человеческие, в совокупности своей, составляют один общий организм, одно, так сказать, тело ума человеческого. Господственная часть этого тела, голова этого организма, заключается, без сомнения, в религиозных и нравственных убеждениях. <...> Ибо вся сущность религиозного знания заключается не в догматике, не в символе, а в живом сочувствии с духовною жизнью Церкви» [там же, с. 146–147].

В. Б. Рожковский указывает на особый онтологический статус, придаваемый церковнославянскому языку мыслителем. Последний выступает как форма выражения сакрального «внутреннего слова» [3]. Поэтому введение этого языка в учебный процесс становится способом онтологизации человека посредством эдукации.

Мы видим, что эдукация, по Киреевскому, должна вести к воцерковлению: «Школа должна быть не заменою, но необходимым *преддверием Церкви*» [1, с. 134]. В процессе эдукации следует стремиться «к *быстрейшему сообщению возможно бóльших сведений о предметах нужных при возможно меньшей книжности* и к соединению истин *практических с нравственными*» [там же, с. 139].

Интересен образ единого тела знания, голова которого – религиозно-нравственные убеждения. Киреевский явно проводит аналогию с мистическим телом Христовым, о котором говорит апостол Павел: «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело... И вы – тело Христово, а порознь – члены» (1Кор. 12: 12–13, 27). В то же время мыслитель уходит от жестко проводимого апостолом противопоставления мирской и Божественной мудрости: «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом...» (1Кор. 3: 19). Чрезмерная «книжность», конечно, порицается. Но все же сакральное и профанное знание интегрированы в единую целостность. Цельность знания должна соответствовать чаемой цельности духа.

Головой церковного тела является Христос – Предвечное Слово: «И Он есть глава тела Церкви...» (Кол. 1: 18). У Киреевского слово (церковнославянский язык) становится осью, вокруг которой формируется цельное знание. Язык выступает как сила объединения.

Тут напрашивается еще одна библейская аналогия – с историей строительства Вавилонской башни: «На всей земле был один язык и одно наречие... И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что

задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]» (Быт. 11: 1, 4–8).

Здесь единый язык обеспечивал единство строителей в слове и деле [4, с. 118]. Этот единый язык был священным языком [там же, с. 119]. Однако строители башни попытались использовать его во зло. Обеспечиваемое им единство они превратили в единство цивилизации, обожествляющей человека и сакрализующей его дела [там же, с. 119–121]. Карой за это извращение и стало смешение языков.

Киреевский же противопоставляет единое сакральное слово, формирующее нравственное единство, единство в вере, множественности мирских слов, ведущих к нравственному распаду: «<...> Словесность государства или ее часть, доступная народу, представит ему пищу для ума бесполезную, не представляя необходимой, и выведет его любопытство из сферы близкого и нравственного в сферу чужого, смешанного, ненужного и если не прямо безнравственного, то уничтожающего нравственность своею холодностью к ней <...>» [1, с. 123]. Нравственное единство заменяет у мыслителя безнравственное смешение. Деонтологизирующая эдукация, основанная на смешении, противопоставляется онтологизирующей, основанной на единстве.

Таким образом, эдукационным идеалом Киреевского является духовно цельный человек. Достижение этого идеала представляется ему возможным через православное воспитание, приобщающее человека к единству сакрального и профанного знания, которое создается сакральным словом. Обучение и воспитание должны вести к воцерковлению, чтобы для ученика «при окончании его ученья раскрылась дверь в высшее училище – Церковь» [1, с. 145].

Литература.

1. Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2007. – 448 с.
2. Киреевский И. В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – 383 с.
3. Рожковский В. Б. Идея цельного духа у И. В. Киреевского: культурологическая реконструкция. – Ростов-на-Дону: Б/и, 2004. – 102 с.
4. Щедровицкий Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. – М.: Оклик, 2008. – 1088 с.